

Священник Штефан Липке

Признание анафоры Аддая и Мари католической церковью в 2001 году: богословский вклад и главные аргументы архимандрита Роберта Тафта

Статья посвящена роли архим. Роберта Тафта в решении Святого престола признать анафору Аддая и Мари действительной евхаристической молитвой. Автор исследует аргументы за данное решение и против него. Главное препятствие к признанию этой анафоры было связано с представлением, что именно слова Господни «это Тело Мое» и «это Кровь Моя» являются «формой» таинства Евхаристии. Однако, как показал архим. Роберт Тафт, учение католической церкви не означает, что пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христа происходит именно в момент произношения слов установления. Более традиционно связывать пресуществление с тем, что Сам Христос произнес эти слова во время Тайной вечери и что в молитвах благодарения, эпиклесиса и приношения во время анафоры выражается вера в пресуществление евхаристических даров.

ключевые слова: литургия, Евхаристия, освящение, единство христиан, ассирийская церковь.

В 2001 г. папский совет по содействию христианскому единству опубликовал «Руководство по [взаимному]¹ допущению к Евхаристии между Халдейской церковью и Ассирийской церковью Востока», в котором разрешил ассирийским христианам в случае пастырской необходимости причащаться на халдейской (католической) литургии, а халдейским католикам — на ассирийской [*Guidelines*, 4]. Это важное практическое решение было следствием ясно разработанной богословской позиции касательно анафоры Аддая и Мари. Необходимость во взаимном причащении возникает довольно часто, так как в наше время большинство христиан Ирака, Сирии и восточной Анатолии живет в рассеянии

1. Здесь и далее в квадратных скобках внутри цитат стоят слова, добавленные автором для лучшего понимания цитаты. — *Прим. ред.*

по всему миру, и они не всегда имеют возможность участвовать в литургии своей церкви [*Guidelines*, 1]. Конечно, халдейские католики могут без особого труда найти приход латинского обряда и там легитимно приступать к таинствам, но у членов ассирийской церкви такой возможности нет. Кроме того, верные обеих церквей переживают принадлежность к единой духовной семье и потому стремятся к духовному общению, к общению в таинствах. В 1994 г. Папа Иоанн Павел II и Патриарх Мар Динка IV подписали соглашение касательно христологии, так что вопрос о несторианстве уже не разделяет общины [*Guidelines*, 2]. Священство же и апостольское преемство ассирийской церкви всегда признавалось католической церковью [*Guidelines*, 3]. Несмотря на согласие по перечисленным вопросам, вопрос об анафоре долгое время оставался спорным. Следует отметить, что анафоры восточно-сирийской традиции, особенно анафора Аддая и Мари (т. е. одна из трех анафор, согласно уставам ассирийской церкви, употребляемая чаще остальных), давно привлекают интерес историков и литургистов. Данной теме посвятили свои исследования такие авторы, как Й. П. М. Ван дер Плуг [*Van der Ploeg*], А. Джелстон [*Gelston*, 48–55], В. Ф. Мэкомбер [*Macomber*] и Мар Джаммо [*Jammo*]. Особую роль в рассмотрении вопроса о «легитимности» анафоры Аддая и Мари сыграли труды иезуита, литургиста и архимандрита греко-католической церкви Роберта Тафта, повлиявшие на решение папского совета по содействию христианскому единству признать данную анафору настоящей евхаристической молитвой.

Проблема состоит в том, что в тех случаях, когда по уставу следует молиться словами анафоры Аддая и Мари, иереи ассирийской церкви, совершая литургию, читают текст, в котором отсутствует повествование об установлении Евхаристии. В связи с этим возник вопрос, можно ли считать настоящей евхаристической молитвой такую анафору, в которой нет прямой рецитации слов Господних. При обсуждении вопроса о том, могут ли ассирийцы причащаться на халдейской литургии, а католики — на ассирийской, данный вопрос стал ключевым. Вопрос тщательно изучался, уже в 1998 г. было составлено руководство для пастырской заботы о христианах-ассирийцах и халдеях. Затем вопрос о Евхаристии в ассирийской церкви был представлен двадцати шести богословам, чтобы они дали свое заключение. Архимандриту Роберту Тафту тогда говорили, что это слишком большая группа экспертов, но он писал, что «это было только разумно», так как

вопрос был весьма серьезным [Taft]. Формально Тафт был просто одним из этих двадцати шести специалистов, и данные о том, чьи именно заключения стали основой для принятия решения, на основании которого Святой престол признал ассирийскую Евхаристию подлинной, никогда не были обнародованы. Однако статья 2003 г. о. Роберта «Месса без освящения?» [Taft] показывает, что богословская позиция, представленная в краткой форме в декларациях папского совета, является по преимуществу позицией архим. Роберта Тафта. Он же и стал «лицом» принятого решения. Неудивительно, что консервативные круги, которые не согласны с данным решением, подвергают критике именно архим. Роберта Тафта [Santogrossi].

Чтобы понять позицию папского совета, а в первую очередь позицию архим. Роберта Тафта, развивающего и расширяющего ее, обратимся сначала к вопросу, какие аргументы можно выдвинуть против признания анафоры Аддая и Мари. По-видимому, самым авторитетным аргументом против позиции папского совета является тезис, прописанный в декрете Флорентийского собора о единстве с армянами: слова Господни «это — Тело Мое» и «это — Кровь Моя» являются «формой» таинства Евхаристии [DH, 1321; *Exultate Deo*, 81]. Таким образом, традиционная позиция будет выглядеть следующим образом: где действительно рукоположенный священник над настоящим хлебом и вином рецитирует (произносит) эти слова с намерением совершить таинство, там в этот же момент хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христа; где чего-то из этого не хватает, там — пресуществления не происходит. Также Тридентский собор учит, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа «сразу же после освящения» (*statim post consecrationem*) [DH, 1640, 1642, 1654].

Такой подход к таинству связан с традицией узкого понимания слов блж. Августина: «Слово присоединяется к [материальному] элементу и [таким образом] совершается таинство» (*Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*)^{*1}. Архимандрит Роберт Тафт прослеживает данную линию, начиная со свт. Амвросия Медиоланского, который говорит, что освящение происходит через произнесение священником слов «Господа Иисуса» [De sacramentis IV, 4.14–17, 5.21–23. Col. 417–462]. Согласно Амвросию, слова Господни преображают хлеб и вино в Тело и Кровь Христа. Развивая эту мысль, св. Фома Аквинский говорит, что освящение материи в этом таинстве заключается в «чудесном преображении», завершаемом произнесением слов Господ-

*1 *In Ioannis Evangelium*.
LXXX.3

них священником ^{*1}. В дальнейшем же Папа Пий VII (1742–1823) осудил «то новое мнение... согласно которому форма [таинства Евхаристии] заключается не только в словах Господних», но для завершения таинства необходимо recитировать после них слова эпиклесиса [DH, 2718].

^{*1} *Sth III.*
Quaest. 78.
Art. 1, corp.

Не удивительно, что некоторые из самых консервативных католиков считают признание анафоры не шагом католической церкви навстречу ассирийской церкви (тем более что сама по себе эта конфессия весьма малочисленна), а скорее шагом к упразднению Евхаристии как приношения Тела и Крови Христа [Reversal]. Тем не менее папский совет по содействию христианскому единству пришел к решению признать анафору Аддая и Мари настоящей и действительной евхаристической молитвой.

Объясняя данное решение, архим. Роберт Тафт формулирует два положения, выходящие за рамки специального вопроса и, в его версии, имеющие значение для экуменических отношений в целом, в частности, когда речь идет о связи между экуменизмом и литургией. Первое положение — это «экуменическая исследовательская деятельность» (*ecumenical scholarship*). С точки зрения Тафта, данная деятельность должна быть основана, конечно же, на принципе исторической точности, но и, более конкретно, на шести особых принципах [Taft, 4], как то:

1. констатация, что те различия, которые существовали и допускались в первом тысячелетии, не разделяют церкви;
2. признание, что как западные, так и восточные православные традиции релевантны для веры Церкви;
3. приоритет общего учительства единой Церкви над особым, полемическим, более поздним;
4. ответственность тех, кто изменил или в одностороннем порядке сузил единое общепринятое понимание традиции неразделенной Церкви первого тысячелетия, за те церковные разделения, которые эти изменения повлекли за собой, и их обязанность искать приемлемые решения данных проблем;
5. необходимость учитывать всю полноту традиции каждой церкви, а не только ее самую современную или популярную версию;
6. интерпретация догматической формулировки строго в контексте той полемики, в которой она возникла (например, в случае Тридентского собора, полемики с протестантами), и отказ от ее генерализации.

Вторым важным положением является различие первичного (*theologia prima*) и вторичного богословия (*theologia secunda*).

Первичным является выражение веры в литургии, а вторичным — учение с необходимыми уточнениями. Тафт считает эти уточнения нужными, но возражает против введения их в более древнюю традицию [Taft, 7–8]. Поэтому можно сказать: если в тексте глубокой древности отсутствует то, что в более поздний период стали считать необходимым, это не значит, что текст не в полном объеме православный. Наоборот, следует считать: то, что всегда было верой Церкви и что в дальнейшем нашло свое выражение в определенных уточнениях, присутствует и здесь, однако, возможно, скорее имплицитно.

В контексте данных принципов Тафт предлагает рассматривать и евхаристию ассирийцев, в частности, когда она совершается с анафорой Аддая и Мари. У ассирийских христиан всегда и бесспорно было намерение служить подлинную евхаристию, т. е. присоединяться к тому, что Христос совершил на Тайной вечере. Католики раньше не сомневались в действительности ассирийской евхаристии. В частности, во время разных уний ассирийцев с католиками в течение XVI–XVIII вв. никто не требовал, чтобы ассирийские христиане включили в анафору повествование об установлении, даже если халдеи в дальнейшем и стали так поступать [Guidelines, 2].

Более того, у ассирийцев есть очевидный знак связи с Тайной вечерей — это практика так называемой священной закваски: они выпекают евхаристический хлеб из теста, в котором, согласно традиции, присутствуют следы теста для хлеба, бывшего в употреблении на Тайной вечере. Как подчеркивает папский совет, «это, конечно, следует воспринимать как зримый знак исторической и символической непрерывности между нынешним празднованием Евхаристии и установлением Евхаристии Иисусом» [Guidelines, 2]. Это подтверждают также слова анафоры. В ней просят Бога быть милостивым к Своему народу «в память о теле и крови Твоего Христа, которые мы приносим на чистом и священном алтаре, согласно поручению, полученному от Тебя самого» [Missel Chaldéen, 88]. Таким образом, текст содержит однозначное учение о реальном присутствии Христа и о евхаристическом жертвоприношении. Поэтому оправданно считать, что евхаристия ассирийцев, и в том числе анафора Аддая и Мари, пропитана верой в реальное присутствие Христа в таинстве благодаря Его же словам «это — Тело Мое» и «это — Кровь Моя», даже если они «рассеяны» по тексту анафоры [Guidelines, 2]. Поэтому декларация приходит к выводу, что ассирийская церковь, употребляя

«священную закваску», слова «приношение», «тело и кровь», находится внутри традиции Тайной вечери и совершает подлинную Евхаристию так же, как все католические, православные и коптские церкви [*Guidelines*, 3].

Рассмотрим аргумент, отсылающий нас к Флорентийскому собору: некоторые пункты его решения отображают не столько обязательное учение всей Церкви, но скорее защищают римскую традицию от упрека со стороны восточных церквей, что она не католическая. Например, в решениях Собора сказано, что материей, необходимым материальным знаком таинства священства является поручение инструментов, необходимых для каждого служения: чаши и патены (дискоса) с хлебом и вином для посвящения в пресвитеры, книги Евангелия — для диаконата и проч. [*DH*, 1326; *Exultate Deo*, 85], хотя известно, что католическая церковь всегда признавала священство в церквях, в которых такой обряд отсутствует [*Taft*, 10]; соответственно, Пий XII учит, что материей таинства священства является возложение рук [*DH*, 3859]. Соответственно, определение о том, что слова Господни являются формой таинства Евхаристии, скорее декларирует легитимность практики римской церкви признавать эти слова моментом пресуществления, нежели указывает, что это единственная возможная позиция [*Taft*, 10].

К тому же слова Тридентского собора о том, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа «сразу же после освящения», не настолько однозначны, как это может показаться. Ведь именно в этом и заключается вопрос, в какой момент происходит освящение, а на него Собор не отвечает. Поэтому архим. Роберт Тафт ссылается на целую римо-католическую традицию (Ф. Фульгенций, Г. Ломбард, Ж.-Б. Боссюэ), согласно которой освящение происходит благодаря не отдельным словам, а евхаристической молитве в целом [*Taft*, 9]. В частности, после слов Господних в Римском каноне священник рецитирует (повторяет) следующие молитвы:

Supra quæ propítio ac seréno vultu respícere
dignéris: et accépta habére, sicúti accépta
habére dignátus es múnera púeri tui justi
Abel, et sacrificium Patriárchæ nostri
Abrahæ: et quod tibi óbtulit summus sacérdos
tuus Melchisedech, sanctum sacrificium,
immaculátam hóstiam.

Милостиво и благосклонно возри на эти
приношения и прими их, как соблаговолил
Ты принять дары отрока Твоего праведно-
го Авеля, жертву праотца нашего Авраама
и принесение первосвященника Твоего
Мелхиседека, — святое возношение, жертву
непорочную.

Súpplices te rogámus, omnípotens Deus: jube hæc perférri per manus sancti Angeli tui in sublíme altáre tuum, in conspéctu divínæ majestátis tuæ: ut, quotquot ex hac altáris participatióne sacrosánctum Filii tui Corpus, et Sánguinem sumpsérimus, omni benedictiόne coelésti et grátia repleámur. Per eúndem Christum, Dóminum nostrum. Amen [*Missale Romanum*, 334].

Смиренно молим Тебя, Боже всемогущий, да будет эта жертва вознесена руками святого Ангела Твоего на небесный алтарь Твой пред лицо Божественного Твоего величия, чтобы мы, всякий раз причащаясь от этого алтаря святейшего Тела и Крови Сына Твоего, исполнялись всякого небесного благословения и благодати. Через Христа Господа нашего. Аминь [*Римский миссал*, 645].

Судя по этим молитвенным текстам, после слов Господних дело освящения даров еще не совершено. Это показывает, что и в римской традиции не всегда было общепринятым мнение, закрепляющее пресуществление за определенным моментом.

Что же касается формулы *Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*, «Руководство по [взаимному] допущению к Евхаристии между Халдейской церковью и Ассирийской церковью Востока» говорит: «Слова Евхаристического установления на самом деле присутствуют в анафоре Аддая и Мари не последовательным образом *ad litteram*, но скорее рассеянным евхологическим образом, т. е. интегрированными в молитвы благодарения, хвалы и просьбы» [*Guidelines*, 3].

Св. Амвросий Медиоланский, а также св. Фома Аквинский в своих работах указывают, что повествование о Тайной вечере и слова Господни необходимы для совершения таинства. У обоих речь идет о том, что именно Христос произнес их. Связь с этим событием — произнесением Христом слов установления — необходима, она и есть *forma sacramenti*, именно в силу этой связи совершается таинство, поскольку через слова, произнесенные Самим Христом, на престоле истинно присутствует Христос. Дело здесь именно в этой связи со Христом, а вовсе не в произнесении магической формулы [*Taft*, 12–14]. И эта живая связь может быть имплицитной — через непрерывную церковную традицию, через передачу священной закваски, через слова: «тело», «кровь», «приносим».

Наконец, разрыва с церковной традицией в ассирийской анафоре нет, так как церковь не признает те анафоры, которые отрицают веру в реальное присутствие Христа в таинстве Евхаристии или характер Евхаристии как жертвоприношения, и, наоборот, признает, что все это имплицитно присутствует в анафоре Аддая и Мари. Помимо того, церковь не разрешает впредь составлять евхаристические молитвы, которые бы игнорировали развитие

богословской мысли второго тысячелетия. Таким образом, признание анафоры Аддая и Мари не является новшеством в церкви, а, наоборот, признанием ее древнейших традиций.

Итак, статья архим. Роберта Тафта, опубликованная почти через два года после обнародования «Руководства по [взаимному] допущению к Евхаристии между Халдейской церковью и Ассирийской церковью Востока» папского совета по содействию христианскому единству, показывает, что на данный текст существенно повлияла богословская позиция архим. Роберта Тафта. Его подход можно обобщить следующим образом: принципиальное решение придерживаться исторической точности, экуменический подход к богословским вопросам и первенство *theologia prima*, т. е. непосредственного литургического опыта веры, над *theologia secunda* — богословской рефлексией данного опыта. На основе этих принципов папский совет по содействию христианскому единству пришел к решению — на наш взгляд справедливому — признать Евхаристию ассирийских христиан, которые совершают анафору Аддая и Мари, не произнося слов установления, т. е. без эксплицитного повествования об установлении таинства, подлинной Евхаристией.

Источники и литература

1. *Римский миссал* = Римский миссал католической церкви в России. М. : Изд-во Францисканцев, 2011. 1348 с.
2. *De sacramentis* = Ambrosius Mediolanensis. *De sacramentis libri sex*. IV, 4.14–17, 5.21–23 // PL 16. Col. 417–462.
3. *DH* = Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen = Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus fidei et morum / Hrsg. von P. Hünemann, H. Denzinger. 37. Aufl. Freiburg-Basel-Rom-Wien : Herder, 1991. xxxvii, 1706 S.
4. *Exultate Deo* = Булла Флорентийского собора *Exultate Deo* // Символ. 2019. № 71. С. 58–92.
5. *Gelston* = Gelston A. *The Eucharistic Prayer of Addai and Mari*. Oxford : Clarendon Press, 1992. 148 p.
6. *Guidelines* = Pontifical Council for Promoting Christian Unity : Guidelines for Admission to the Eucharist between the Chaldean Church and the Assyrian Church of the East. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/chrstuni/documents/rc_pc_chrstuni_doc_20011025_chiesa-caldea-assira_en.html (дата обращения: 07.02.2019).

7. *In Ioannis Evangelium* = S. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi in Ioannis Evangelium tractatus CXXIV // PL 35. Col. 1379–1976.
8. *Jammo* = Jammo S. Y. H. The Anaphora of the Apostles Addai and Mari : A study of structure and historical background // *Orientalia Christiana Periodica*. 2002. V. 68. P. 5–35.
9. *Macomber* = Macomber W. F. A History of the Chaldean Mass // *Journal of Assyrian Academic Studies*. 1997. V. 11. N. 2. P. 70–81.
10. *Missel Chaldéen* = Missel Chaldéen : L'ordre des mystères avec les trois anaphores selon le rite de la sainte Église de l'orient. Champigny sur Marne : Service Concordia, 1982. 330 p.
11. *Missale Romanum* = Missale Romanum : Ex decreto SS. Concilii Tridentini Restitutum, Summorum Pontificum Cura Recognitum : Editio XXXI post typicam. Ratisbonae : Pustet, 1957. (56), 832, 52, 6, 228, 36, 4 p.
12. *Reversal* = Fraternity of Saint Pius X. Reversal of Sacramental Theology. URL: <http://fsspx.news/en/news-events/news/reversal-sacramental-theology-20630> (дата обращения: 07.02.2019).
13. *Santogrossi* = Santogrossi A. Declaration on the Anaphora of Addai and Mari : Not an act of the Supreme Magisterium. URL: <https://rorate-caeli.blogspot.com/2008/02/declaration-on-anaphora-of-addai-and.html> (дата обращения: 07.02.2019).
14. *Sth III* = Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Ordinis Praedicatorum Summa Theologiae : Cura Fratrum eiusdem Ordinis : Tertia Pars. Matritii : Biblioteca de Autores Cristianos, 1952. 800 p.
15. *Taft* = Taft R. F. Mass Without the Consecration? The Historic Agreement on the Eucharist between the Catholic Church and the Assyrian Church of the East Promulgated 26 October 2001. URL: http://www.prexeucharistica.org/_pdf/AM/AM-05-Taft-Messa%20senza-en.pdf (дата обращения: 07.02.2019).
16. *Van der Ploeg* = Van der Ploeg J. P. M. The Old Eucharistic Liturgy of the “Church of the East” // *The Harp*. 1990. V. 3. N. 1–2. P. 87–110.

Сокращения

PL Patrologia Latina